

Синяя кастрюля в белую крапинку

В деревянном, построенном в конце девятнадцатого века доме номер пятьдесят пять, имевшем к началу нашего повествования восемьдесят семь процентов аварийности, было четыре квартиры — две на первом этаже и на втором, естественно, столько же. В трех жили девочки по имени Настя, причем две из них были Михайловны. Да еще напротив, в сорок шестом, одна Настя жила. То ли у родителей фантазии не хватило назвать их разными именами, то ли мода тогда была на это имя — мы не знаем, но факт остается фактом, и Насти, когда собирались вместе, звали друг друга по фамилиям, чтобы не запутаться.

И только в четвертой квартире пятьдесят пятого дома Настя отсутствовала, потому что, во-первых, там жили Хакимовы, а во-вторых, там и девочек-то не было — только один мальчик, Ренатка; больше всего на свете он любил фотоаппарат, с которым почти не расставался. За это его иногда называли оператором Кысом или Репортером Шрайбикусом. Ренатка был мальчиком серьезным, с мелюзгой почти не общался, так же как его родители не общались с родителями трех Насть.

Кастриюлю обнаружила Настя Андреева, проживавшая в первой квартире с мамой Ниной. Еще у Андреевой был старший брат, Гендос-Паровоз, но находился он далеко, на востоке нашей родины, где служил на подводной лодке. Когда-то был и папа, и Настя Андреева очень любила папу, поэтому долго плакала, увидев его в чулане висящим на бельевой веревке.

Кастрия была проржавевшая, с отбитой кое-где эмалью, с закопченным дном, синяя в белую крапинку снаружи и почти белая внутри. Она обнаружилась рядом с неработающим керогазом, в овраге, где у Насть находился «штаб».

Выкинул кто-то, подумала Андреева и обрадовалась: не каждый день у них в штабе появлялась новая игрушка. Теперь будет в чем варить суп для бумажных кукол... Она поставила коробку из-под зефира в шоколаде на землю и вытащила из нее свои «бумажки».

— Сварите мне, пожалуйста, окрошку, маменька, — за пищала Андреева голосом самой младшей куклы, Ирены. — Сейчас сварю, — ответила она же басом, беря в руки старшую куклу, Марию, — а ты, доча, если на танцы пошла, долго не шляйся, а то выпорю.

— Хорошо, маменька, — пропищала Андреева-Ирена, нацепила на младшую куклу новое бальное платье с розочкой на левом плече, над которым трудилась вчера целых пятнадцать минут, и отправила ее на танцы, то есть положила обратно в коробку.

— Так, сначала огурец, — пробасила Андреева, кладя в кастрюлю продолговатую гальку. Потом закрыла кастрюлю крышкой.

— Играешь уже? — раздался голос краснощекой, тонконогой Насти Базиной из квартиры номер два. — А чего за мной не зашла?

Андреева обернулась и замахала ей:
— Иди сюда, глянь, какую я кастрюлю нашла!
— Где нашла-то? — Базина быстро спустилась в штаб.
— Здесь и нашла.
— Цыгане, наверное, бросили, — решила Базина. — Мама вчера говорила, что табор видала. Сказала, чтобы я далеко от дома не убегала.
— А я в бумажки играю и окрошку варю, — сообщила Андреева, — ты бумажки свои взяла?

Базина помотала головой:
— Их папа выкинул. Серый на меня нажаловался, скотина, что я пол плохо помыла, и папа бумажки выкинул. Андреева покивала. Она каждый вечер слышала, как внизу орал дядя Миша Базин, воспитывая дочку и ее младшего брата Сережку. Дядя Миша почти ничего не видел, ходил в темно-синих очках и работал в обществе слепых, клеил не то конвертики, не то коробки для тортов.

— На, я тебе своих половину отдам, — сказала Андреева. — А себе еще нарисую. Давай дальше играть. Ирена как будто на танцы пошла, ты будешь Иреной, танцуй, а я ее маменька, окрошку варю, уже огурец положила.

Базина запела «Хмуриться не надо, Лада», повторяя эту строчку без конца, как заезженная пластинка, потому что больше ни одной строчки не знала, взяла Ирену и стала танцевать, а Андреева открыла крышку кастрюли, чтобы положить картошку: несколько круглых галек и еще зеленый лук — нащипанный пырей. Заглянула внутрь и прошептала:

— Базина, глянь сюда.
Базина прекратила танцевать и глянула.
— Ну, огурец. И чего?
— Так я же не огурец ложила. А гальку.
— Гы-ы-ы, — засмеялась Базина, — ладно врать-то.
— Честно, — слегка обиделась Андреева, — Васькой клянусь. (Васька — это андреевский кот, и, если Андреева им клялась, значит, не врал.)

Базина задумалась.
— Подсунул кто-нибудь.
— Кто?
— Цыгане.
— Какие цыгане? Не было ж никого. Только я была. Базиной все равно не верилось.

— А огурец настоящий?
Андреева вытащила огурец. Понюхала. Вытерла о подол платья и откусила.
— Настоящий. Горький только немного.

— Дай попробовать.
Андреева протянула Базиной огурец, та с хрустом пару раз откусила.
— Ниче не горький. Клевый огурец. — Потом подняла с земли камушек, положила в кастрюлю, закрыла ее крышкой и сказала: — Хочу кусок хлеба с маслом и сахаром. Андреева открыла крышку:
— Ни фига себе!

В кастрюле лежал кусок хлеба с маслом, посыпанный сахаром. Базина взяла его и стала есть, не веря своему счастью. Андреевой она тоже дала пару раз откусить за те два откуса от огурца.

— Интересно, что еще можно наколдовать? — спросила Базина, когда хлеб с маслом был съеден.

— О, Серый тащится, — вздохнула Андреева.

— Иди отсюда, ябеда! — закричала Базина брату.

— А ты тут место покупала? — спросил Серый. — Где хочу, там и хожу. Че делаете? Опять свои дурацкие бу-мажки разложили? Может, в картишки?

Серый достал из кармана колоду, но Андреева отмахнулась:

— Иди ты со своими картами! У нас тут такое... Ви-дишь кастрюлю?

— С помойки вы ее притаранили, что ли? — усмехнул-ся Серый и пнул кастрюлю ногой.

— Убери копыта, дурак! — закричала Базина.

— Лучше скажи, чего хочешь, — миролюбиво предло-жила Андреева.

— В кино хочу, на «Неуловимых».

— А из еды?

— Из еды? — Серый задумался. — Тыклушку хочу.

— Тогда бери камень, клади в кастрюлю и говори: «Хочу тыклушку».

Серый покрутил пальцем у виска и спросил у Андреевой:

— Вы обе чокнулись или она одна?

— Делай, что говорят! — прикрикнула Андреева.

Серый, ухмыляясь, сделал. И совершенно обалдел, увидев в кастрюле тыклушку — помидор, фарширован-ный хлебным мякишем, с солью и перцем.

— Клево, — сказал он, когда мгновенно съел помидо-рину, даже не предложив девочкам откусить. — А она все дает или только тыклушку?

— Огурец и хлеб с маслом-сахаром дает, а больше мы пока не знаем, — ответила Базина.

— А давайте попросим... торт! — предложил Серый.

Девочки задумались.

Для Андреевой торт был связан с дядей Толей, мамин-ным знакомым. Дядя Толя обычно дарил Насте зефир в шоколаде, но один раз принес настоящий бисквитный торт, с розовыми цветами, обсыпанный орехами. Анд-реева раньше терпеть не могла дядю Толю, приторно улыбавшегося и совсем не похожего на папу, но после того, как попробовала тающий во рту торт, пропитанный аро-матным ромом, подумала, что терпеть дядю Толю в прин-ципе можно.

Базина ела торт тоже только однажды — на дне рож-дения у одноклассницы Ленки. Народу у Ленки собра-лось много, и Базиной достался малюсенький кусочек, такой, что она совершенно не запомнила его вкуса. Се-рый тогда долго обижался, что сестра не принесла для него ни кусочка. Потому что сам Серый не пробовал торт ни разу в жизни.

— Ну? — нетерпеливо напомнил Серый.

— Не нукай, не запряг! — ответила Андреева. — Клади камень.

Небольшая коробка с надписью «Торт» была извлече-на из кастрюли и немедленно вскрыта.

— Маленький какой, — разочарованно сказал Серый.

— А откуда большому-то взяться? В кастрюлю бы не влез, — резонно заметила Базина.

— Потом еще попросим, — успокоила Серого Андреева.

— А как будем есть? Руками?

— Пошли к нам, — сказала Базина.

Торт ели большими ложками, запивая холодной сырой водой из граненых стаканов, потому что ждать, пока на

керосинке вскипит вода в чайнике, не было никакого терпежу.

— Еще хочу, — почти мгновенно проглотив свою долю, сказал Серый...

Третий торт ели уже не торопясь. После четвертого Серый схватился за живот и быстро выскочил во двор.

— Желудок у него слабый, — объяснила Базина.

Андреева покивала. Ей почему-то пришло на ум где-то слышанное выражение «дорвался до бесплатного».

Серый вернулся, лег на диван, полежал немного и пред-ложил:

— А может, водки заказать?

— Чеканулся, что ли? — озлилась Базина. — У мамы сам знаешь нюх какой!

— Тогда еще тортик?

— Может, тебе хватит, а то опять плохо будет? — спро-сила Андреева.

— Фигня, — заявил Серый, — пошли.

Достав из кастрюли пятый тортик, они увидели, что к штабу приближается Буханка.

Буханкой за глаза называли Настю Парамонову из тре-тьей квартиры. Она была взрослой, в этом году закончи-ла восемь классов и работала на хлебозаводе. Впрочем, Буханкой звали ее скорее не из-за места работы, а из-за квадратной фигуры и такого же квадратного лица, доставшегося ей в наследство от папы. И походка, и ха-рактер были у Парамоновой тяжелыми.

— Привет, салажня! Что празднуем?

— Сто лет граненому стакану! — крикнул Серый.

— Не, правда? Откуда тортик?

— Стыбзили, — хихикнул Серый.

— Твой отец узнает — выпорет, — сказала Буханка.

— Тебя, — добавил Серый.

— Но-но, погруби старшим!

— Насть, угощайся, — миролюбиво предложила Анд-реева.

— Краденое не ем! — Буханка гордо вскинула голову и ушла домой.

— А может, и правда?.. — тихо произнесла Базина.

— Что — правда? — не поняла Андреева.

— Ну, торты эти, и хлеб с маслом, и огурец тоже — все краденое?

— А кто крадет-то?

— Мы, кто же еще.

— Дура! — закричал Серый и отвесил сестре щелбан. — Чего оно краденое-то?

— Сам дурак! — завопила Базина, пытаясь пнуть от-скочившего брата. — А если не краденое, то откуда?

— А, я вспомнил! Я читал об этом! — хлопнул себя по лбу Серый. — Это все из Америки! Под нами же Америка. И американцы совсем недавно построили продуктопровод. Ну точно. Мы открываем крышку, говорим желание, они его слышат и исполняют. А взамен мы им гальку постав-ляем, у них там гальку для строительства домов исполь-зуют, а всем не хватает. А жратвы у них завались.

Андреева ни на минуту не сомневалась, что Серый все это выдумал только сейчас, потому что он вообще враль изрядный.

— Ну давай проверим, из Америки или нет.

Базина кинула в кастрюлю камень и сказала:

— Хочу жевачку.

— Американскую, — добавил Серый.

Американской была жвачка или нет, они сказать не мог-ли, потому что вообще никогда не видели никакой жвач-ки. Но наверняка американская — ведь на красивом бле-стящем фантике было что-то написано явно не по-рус-ски.

— Во, блин, продуктопровод открыли! — прошептал Серый, обалдев от того, что его вранье оказалось правдой.

— Фантик мне! — предупредила Андреева, когда жвачка была разделена на три части и основательно прожевана.

— Почему тебе? — возмутилась Базина.

— А у тебя опять отец отнимет.

— Не отнимет, я под матрас спрячу. Ну дай мне, а?

— А давай я вместо него тебе что-нибудь дам. Все бумажки вместе с коробкой, идет?

— Ладно.

— Может, мячик попросим и в штандр поиграем? — предложил Серый.

В штандр играли недолго: мячик улетел далеко в овраг и за ним лень было спускаться. Для приличия поспорили, кто пойдет за мячиком, но потом решили, что завтра попросят новый.

— Шухер, Буханка идет! — шепнул Серый. — Ей про Америку ни слова.

— Че жуем? — осведомилась подошедшая Парамонова, становясь в свою обычную позу — ноги на ширине плеч, руки в боки, голова слегка наклонена вперед.

— Гудрон, — выпалил Серый.

— Где взяли? — приинтересовалась Буханка. Стройки и правда поблизости не было.

— Это... Юрка Старцев принес откуда-то, а откуда — не знаю.

— Дай пожевать, — потребовала Буханка.

— Ты что, у меня самого маленький кусочек, — заныл Серый.

— Жмот! — Буханка отвернулась.

Тут появился Ренатка:

— Ребят, хотите я вас сфоткаю?

— Давай в штабе, — предложил Серый. Ему очень захотелось сфоткаться именно рядом с продуктопроводом — а вдруг потом в газете напечатают?

— Кастрюлю-то уберите, — скомандовала Буханка, — понатаскали хлам какой-то.

— Не-не, кастрюля пусть остается! — сказал Ренатка. — Очень уж вы рядом с ней хорошо смотрите.

В этот вечер больше ничего попросить не удалось, потому что настырная Буханка не отставала от ребят ни на шаг.

Утром кастрюли в штабе не оказалось.

Искали ее долго, облазили весь овраг несколько раз. Нашли только вчерашний мячик, лопнувший и погрызенный бродячими собаками.

Когда стало понятно, что кастрюля утрачена безвозвратно, уставшая Базина села на низенькую завалинку, уткнула лицо в острые коленки и заплакала.

— Ну ты чего? — спросила Андреева. — Подумаешь, жили без продуктопровода и дальше проживем.

Базина подняла заплаканное лицо и, растирая грязными руками слезы, сказала:

— Папа вчера все бумажки, которые ты мне отдала, выкинул.

— Серый опять нажаловался? Так, Серый?

— Ниче я не жаловался, — обиделся тот. — Нам обоим влетело, между прочим. За коробки из-под тортов. Они подумали, что мы у них деньги стырили и торты купили.

— А вы что?

— Ничего. Молчали, и все.

— Жалко, что даже мячика не осталось.

— Жалко. Я так хотел билеты на «Неуловимых», а теперь мама из-за этих тортов ни за что денег не даст.

ФАНТАСТИКА

— Я ведь всю ночь думала, что бы еще попросить, — всхлипнула Базина, — не спала почти. Пойти поспать, что ли.

— На. — Андреева вытащила из кармана фантик от жвачки. — На, возьми, если хочешь.

— Слушайте, это, наверное, единственное, что осталось от нашей кастрюли, — сказал Серый.

— Еще фотографии, — вспомнила Андреева.

— А интересно, Ренатка уже напечатал эти фотки или нет?

— Я ничего не понимаю, — бормотал Ренатка, разглядывая фотки, — я же помню, что здесь стояла кастрюля. А сейчас ее нет. Нет, и все. Так не бывает!

— Бывает — не бывает, какая теперь, на фиг, разница? — вздохнул Серый.

Они вышли от Ренатки расстроенными и даже не взяли фотки — зачем они теперь нужны?

Порыв ветра вырвал из рук Базиной фантик и понес его по улице.

— Растяпа! — крикнул Серый и бросился за фантиком.

— А что бы ты у кастрюли попросила, если бы она сейчас была? — поинтересовалась Андреева.

— Я всю ночь думала. Ну, почти всю ночь. Хотела даже ночью встать и пойти в овраг, чтобы попросить. Глупо, наверное, но я бы хотела собаку.

— А как мама с папой?

Базина только вздохнула.

— Гляньте, нет, вы только гляньте! — тем временем завопил Серый, подбегая к девочкам.

— Ну чего орешь? — спросила Базина.

— Да ты глянь! — Серый сунул ей под нос зеленатовую бумажку. — Вместо фантика — три билета на «Неуловимых»! В «Родину»! На первый ряд! Айда, а то опоздаем!

Вечером в квартире номер один раздался звонок. Андреева спустилась вниз. На крыльце стояла Базина. На руках она держала маленького черного щенка.

— Представляешь, мама сама принесла, — смеялась Базина, — говорит, им в парикмахерскую подбросили, а ей жалко стало.

— Хорошенький, — улыбнулась Андреева и погладила щенка по голове. Тот лизнул ее руку.

— Девочка, — уточнила Базина. — Назвала ее Найдой.

— В сенях будет жить?

— Ага. Потом будку построим. Слушай, а ты-то сама, что бы ты хотела у кастрюли попросить?

— То, что я хочу, никто исполнить не может. Никакая кастрюля на свете. Пока.

И Андреева медленно поднялась по лестнице в квартиру, где за столом сидели мама и дядя Толя и пили чай с тортом.

«Я не буду есть его торт, — думала Андреева, — ни за что не буду. И вообще — не буду есть торт никогда в жизни».